

«иллюстративным способом» за счёт буквального прочтения семантики; актантное переключение фразеологизма. Множественность детских экспериментов с фразеологизмами свидетельствует о том, что сема одушевлённости в составе фразеологизмов в детской речи проходит обязательную стадию игрового усиления.

Испытывая при осмыслении фразеологических единств трудности, ребёнок интерпретирует их внутреннюю форму согласно особенностям своего мировосприятия. Эти особенности (тенденция к одушевлению и олицетворению, более свободное обращение со словом как с инструментом познания) определяют специфику коммуникативно-когнитивной парадигмы в онтогенезе речи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Детинина О.Б. Устойчивые словосочетания в детской речи // Детская речь как предмет лингвистического изучения. – Л., 1987. – С.91-97.
2. Жуков В.П. Семантика фразеологических оборотов. – М.: Просвещение, 1978. – 160с.

ПАРЕМИЯ КАК ТИП КЛИШЕ И ЭСТЕТИЧЕСКИЙ ЗНАК ЯЗЫКА

Шарманова Наталья Николаевна

(Кривой Рог, Украина)

Национальная специфика языка находит своё отражение «на всех языковых уровнях. ... Тем не менее наиболее ярко она заметна у так называемых строевых (нереляционных) единиц языка (и речи) – слов, фразеологизмов и языковых афоризмов» [Верещагин 1982: 89].

Славянская паремиология в её соотношении с национальной культурой, начиная с работ А. А. Потебни, стала предметом научных интересов многих лингвистов – М. А. Алексеенка, Е. М. Верещагина, В. Г. Костомарова [Верещагин 1982], И. О. Голубовской, В. В. Жайворонка [Жайворонек 2005], В. П. Жукова, В. М. Мокиенка, М. М. Пазяка, Г. Л. Пермякова [Пермяков 1975], В. Н. Телии [Телия 2004] Е. А. Селивановой, Е. И. Селиверстовой, В. Д. Ужченка, В. П. Фелицыной, В. Хлебды и др.

Синтез науки о языке с этнокультурологией определил специфику интерпретации единиц паремиологии в контексте новых направлений в современной лингвистике – этнофразеологии (С. С. Ермоленко, В. И. Коваль и др.), сравнительной, компаративной лингвокультурологии (В. В. Воробьёв, В. В. Красных, В. А. Маслова, Н. В. Слухай), когнитивной и когнитивно-семиологической лингвокультурологии (Н. Ф. Алефиренко).

В процессе исследования семиотической сущности и логико-семиотического моделирования языковых единиц М. А. Черкасский утверждает, что для всех устойчивых воспроизводимых комплексов характерны признаки *клишированности*. Её понимают как способность языковой единицы восприниматься глобально, как имеющееся конструктивное и семантическое целое, которое воспроизводится без значительных изменений в определенных коммуникативных ситуациях [Черкасский 1978: 3].

В контексте теории клише, которая дает обоснование семиотической природе многоаспектных языковых единиц, интересным является осмысление именно паремиологического корпуса любого языка. Раскрывая семиотические, системные и функциональные сходства клишированных единиц, Г. Л. Пермяков отмечает: всем «названным» клише (слову, фраземе, паремии) свойственны функциональное сходство, они могут выступать в речи в одинаковой или близкой роли»; «все три наши типа клише ... имеют ту или иную **парадигму**» [Пермяков 1975: 250].

Паремии – семиотические феномены языка, имеют двойную направленность: знаки системы языка, которые раскрывают парадигматические особенности и имеют определенную синтаксическую природу, и микротексты. Под **паремиями** понимают выражения со структурой предложения (короткой цепью предложений), которые являют собой клише, используются в роли знаков языка и имеют три структурные планы – лингвальной и логико-семиотической структур, план реалий [Українська мова 2000: 424–425]. Например: укр. *Нема в світі над мир*; рус. *Мир всем народам мил*.

Релевантными особенностями паремии как типа клише являются постоянный лексический состав, узуальность, четкое номинативное (денотативное) значение, соответствие ментальному стереотипу, воспроизводимость в готовом виде, прагматический характер (ситуативная предопределенность в конкретных конситуациях), частотность и регулярность актуализации, автосемантия как дискурсивное свойство и т.д.

Паремиология любого языка, будучи совершенно особой системой, которая отражает национально-культурную специфику языка, своеобразие его эволюции, системой, в которой совокупность компонентов и правил их функционирования, содержит различного вида мыслительные категории. Паремии включают универсалии различного типа: 1) понятийные (или когнитивные) и собственно языковые; 2) формальные (видоизменения касаются лишь одного компонента) и смысловые, затрагивающие образный строй всей языковой единицы; 3) абсолютные (характерны для всех или многих языков) и статистические (выявлены в значительном количестве языков). Наличие таких явлений обусловлено причинами и факторами внутри- и внеязыкового характера, что соответствует природе самого языка. К общим экстралингвистическим факторам относят универсальность концептуальных сфер, глубинный антропоцентризм, при котором и основные сферы деятельности, и образы-символы ориентированы на человека; языковые контакты: укр. *Добрий сусіда ліпший за лихого діда* – рус. *Близкий сосед лучше дальней родни*; укр. *До готового хліба знайдеться губа*; *Мельники до готової муки*; *Корову тримає, а хтось другий молоко випиває*; *Готовеньке і кицька з'їсть* – рус. *Один с сошкой, а семеро с ложкой*.

В литературе, посвященной проблемам фразеологии, наряду с терминами «паремия», «клише», используются также названия «коммуникативная ФЕ», «предикативная ФЕ», «устойчивая фраза» [Бондаренко 2011: 6]. К таким клишированным предикативным структурам относят пословицы, например укр. *Дорога ложка до обіду*, *<a по обіді – то й під лавку>*; рус. *Дорога ложка к обеду*, *<a там хоть под лавку>*; поговорки укр. *Хрін від редьки не солодший*;

рус. *Хрен редьки не слаще*; крылатые выражения укр. *Коханню всякий вік підвладний*; рус. *Любви все возрасты покорны*; калькированные изречения типа *Вот где собака зарыта*; стационарные формулы диалогической речи укр. *Доброго здоров'я, помившись*; *С легким паром* и т. п.

Единицы паремиологии, по мнению М. А. Черкасского, представляют малые литературные формы – собственно пословицы с образной мотивировкой значения и авторские афоризмы с прямой мотивировкой значения. Они объединены родовым термином «паремия» с признаками клишированности, афористичности и сентенциозности [Черкасский 1978: 36]. Л. Б. Савенкова отмечает: «приходится только констатировать близость (а возможно, даже тождество) значений обоих изречений и предположительную деривационную связь между ними (без указания того, какое из двух оказывается деривационной базой для другого). Все же обнаружение таких пар фраз в речи убеждает в том, что хотя бы часть афоризмов можно рассматривать как источник пополнения фонда паремий» [Савенкова 2002: 67].

Н. Барли, осуществляя структурный подход к англосаксонским паремиям – пословицам и афоризмам, указывает на то, что собственно пословицы нельзя рассматривать изолированно от всего комплекса сродных с ними структур. Такие выражения он называет «потенциальными пословицами». Ученый определяет паремиологический статус пословиц и максим на оси «генерализация↔конкретизация» и говорит, что разница между пословицей и максимой не есть разницей между разными типами выражений, а скорее разницей уровней выражения [Барли 1984: 130]. Максимы раскрывают общее утверждение, собственно пословица является метафорической и имеет частичное утверждение, трансформирующееся в общее. Лингвист рассматривает паремии как традиционные «стандартные выражения в отношении моральных и категориальных императивов», «трафареты», «переносные, портативные парадигмы» [Барли 1984: 133].

И собственно паремия, и афоризм выступают фиксированной словесной формулой, соотносимой с клише языка (лингвистическим феноменом) и клише

сознания (психологическим феноменом), за которыми стоит целый комплекс поверхностных и глубинных значений. Для каждого из этих типов универсальных высказываний характерны свойственные только им средства обобщения семантики. Клише как психологический феномен вместе со стереотипами, предубеждениями и интересами определяет образ тех или иных фрагментов мира, выраженных при помощи вербальных способов. Пресуппозиция использования клишированных выражений состоит в установлении смысловой связи между эксплицитно выраженным значением словесной формулы и имплицитно присущим языковому сознанию лингвокультурным опытом коммуникантов.

Национальная специфика языка является неотъемлемой составляющей духовной культуры общества. Семиотические механизмы психокогнитивной стереотипизации наиболее выразительно представлены в паремиях. Паремиологический семиозис выступает неисчерпаемым кладезем исследования духовного потенциала этносов, основу которых составляют общечеловеческие каноны и идеалы. Единицы паремиологии, отображая извечные приоритеты, одновременно фиксируют национально обусловленные представления народа об окружающем мире и месте человека в нём. Именно поэтому они являются аксиологически значимыми языковыми величинами, исследование которых позволяет выявить ценностные ориентиры этносов. Н. Н. Семененко утверждает: «Основная же ценность паремий как объекта рассмотрения современной когнитивной лингвокультурологии заключается в их исключительной способности репрезентировать ведущие принципы этноязыкового сознания: позиции оценки, стереотипные представления и собственно народную дидактику в её всеобъемлющем стремлении к трансляции целостного мировоззренческого комплекса, необходимого индивидууму для успешной жизни в социуме» [Семененко 2011: 230].

Паремии как интегральные части культурного (поликультурного, межкультурного) пространства являются в некоторой степени духовной субстанцией, в которой сконденсированы, закодированы образно-логические

смыслы, моральные ориентиры и ценностные установки каждой нации. В этом заключается двойная, на наш взгляд, лингвокультурологическая сущность единиц паремиологии. С одной стороны, они аккумулируют мудрость, традиции и опыт многих поколений, играя роль социальных этических корректоров. С другой же стороны, эти единицы выступают одной из вневременных, ахронистических форм репрезентации этнической картины мира: укр. *Со́ва знає, де кури ночують*; *Знає свиня, що морква* – рус. *Знает со́рока, где зиму зимовать*; укр. *Кожній сви́щі по ковбасці*; *Буде усім по сім* – рус. *Всем сёстрам по серьгам*.

Украинская и русская паремиосистемы относятся к глубинным слоям национального культурного пространства. Своим языковым богатством и разнообразием содержания их единицы раскрывают все стороны человеческой деятельности, общественные и родственные отношения в системе коммуникации. Они дают широкий спектр обобщения многовекового хозяйственного опыта в виде коллективного совета. Основным прагматическим потенциалом в паремиях выступает морально-этическое поучение, например: укр. *З вітром прийшло, за вітром і пішло*; *Як набув, так і забув*; *Як нажив, так і прожив*; рус. *Как пришло, так и ушло (прошло)*. Приведем и другие единицы, в которых отражено авторитетное, весомое мнение: укр. *Як хочеш багацько жати, то треба мало спати*; *Спитаєшся пня й колоди, як прийдеться до чого*; рус. *Лёжа пищи не добудеш*; *Век долог, да час дорог*. Паремиям имманентно свойственна дидактичность, выраженная эксплицитно или имплицитно, а значит – положительный оценочный модус: укр. *Скорий поспіх – людям посміх*; *Зроби спішно, буде смішно*; *Хто спішить, той людей смішить*; *Швидко, та гидко*; рус. *Поспешишь – людей насмешишь*. Сравним: во ФЕ просматривается скорее доминирующая роль отрицательной оценке, о чём свидетельствуют результаты исследования фразеологических универсалий (А. Д. Райхштейн, А. Маккаи, Г. Бургер и др.).

Используя паремии в речи, коммуниканты как бы вступают в межкультурный диалог с творцами народных афористических высказываний,

целью которого является «создание преемственности культурно-исторического опыта» [Шехтман 2002: 55]. Этот процесс предусматривает не только наличие лингвистической компетенции участников коммуникации, но и в значительной степени предполагает определённую энциклопедическую информацию, что позволяет глубинно интерпретировать образно-символические единицы языка. Сравним: укр. *А Мурий їсть собі та їсть* (синоним *А кіт ковбаску уминає, неначе й не до нього річ*); рус. *А Васька слушает да ест*; укр. *Заблукав межі хатою і коморою* (синонимы *Серед села дороги не знайшов; Бачить, що в хижу, та дверей не найде*); рус. *Заблудился в трёх соснах*. Наиболее выразительным в этнокультурном аспекте являются компаративные паремии, например: укр. *Заказана (заборонена) грушка солодка* (синоним *Чого не вільно, те й кортить*); рус. *Запретный плод сладок*. Актуализация в семантическом строении украинской паремической единицы экспрессивной лексемы **грушка** отсылает нас к другим паремиям, которые находятся в национальной когнитивной базе: *Виліз на грушку, рвав петрушку; Не заспить грушки в попелі; Яка грушка, така й юшка* и др. Как свидетельствуют рассмотренные примеры, компаративные единицы языка базируются на разных архетипах национального сознания, которые имеют определённые расхождения в инвариантах этнического мировосприятия.

Универсальные культурные смыслы раскрываются при кодировании информации о мире. Компаративный анализ паремий – репрезентантов архитипической структуры мироздания – отражает детерминацию в их образной организации ментально-лингвальных комплексов, концептов, базовых культурных кодов – антропоморфного (о человеке, его натуре, поведении, семейных отношениях), космического, предметного, зооморфного, фауноморфного (В. Н. Телия), соматического, пространственного, временного, духовного (В. В. Красных), мифологического (Л. В. Савченко). Культурный код при этом следует понимать как элемент интерпретации паремий в когнитивно-прагматической и лингвокультурологической парадигмах исследования.

Наиболее выразительными в паремиологии выступают архетипные символы *кровь, сердце, судьба (доля), огонь*, где архетип *кровь* является не столько показателем антропоморфного кода, а скорее духовного, потому что в славянской традиции кровь всегда ассоциируется с жизнью, духом, являясь также и символом обновления, омоложения [Словник символів 2002: 131], а также имеет значение жертвоприношения, борьбы за что-то или символ активности или мести, агрессивных намерений: укр. *Роби крєвно і ходи певно*; (с пометой давн.) *Роблять (працюють) крєвно; Роблять (працюють) до кривавого поту; Кривавим потом умивається*; рус. соответствия *До кровавого пота работает* (сравним с ФЕ укр. *потом і кров'ю*; рус. *потом и кровью*). Видим из приведенных выше примеров, что символика крови в древней фольклорной традиции по своей смысловой нагрузке близка к символике красного цвета и другому архетипу – *огню*.

Архетип *огонь* является символом духовной энергии, силы, очищения от сил зла [Словник символів 2002: 47], освящения души, а человек воспринимается как личность, наделенная огромной волей (укр. [*В*]огонь – не дівчина; Дівчина як вогонь), с осознанием собственного призвания (огонь тут – и сила, и духовный оберег). Поэтому издавна предостерегали, предупреждали в паремиях: укр. *З вогнем не грайся (не жартуй); З вогнем не жартуй [бо то жижа]; Не грайся з вогнем, бо о[б]печешся, о[б]палишся; Не клади у вогонь пальця, бо спечеш*; рус. *С огнём не шути; С огнём не шутят; Не шути с огнём – обожжешься*.

Вспомним о возможности активного диалога с разными культурными и текстовыми эпохами: укр. *Вогнем і мечем*; рус. *Огнём и мечём*; польс. *Ogniem i mieczem* (в названии романа Г. Сенкевича); лат. *Igni et Ferro / Ferro et Igni* как трансформациями античного выражения *Quae medicamenta non sanant, ferrum sanat, quae ferrum non sanat, ignis sanat* (дословно: *Чого не гоять ліки, те виліковує залізо, чого не гоить залізо, те виліковує вогонь*). Аналогичные единицы находим и в индивидуально-авторском осмыслении. Например, соединены воедино архетипные символы в выражениях: «...*огнем, кровавим,*

пламенным мечем»; I без огня, i без ножа Стратеги Божїї воспрянуть; Без ножа i автодафе людей закували (Т. Г. Шевченко). Для концепта *огонь* свойственна особая двуплановость: во-первых, он выступает вербальным способом социальной характеристики; во-вторых, способен актуализировать сакральный смысл. Приведем для сравнения еще одну авторскую поговорку, в которой также объединяются архетипные, сакральные понятия *Огонь в одежі слова* (И. Я. Франко). Прагматика поговорки при этом направлена на раскрытие могущественной силы – магии языка, под которой понимают «огонь слова, то есть заклинательную сущность сказанного» [Жайворонок 2005: 139].

Одну из самых численных групп в славянской фразеологии составляет семантическая группа с концептами *сердце, судьба (доля)*. Сравним поговорки-эквиваленты в восточнославянской традиции: укр. *Серце не камінь* – рус. *Сердце не камень*. В украинском и польском языках есть поговорки с противоположной фиксацией: укр. *Камінь, а не серце*; польск. *Mieś (masz) serce z kamienia* (соответствия во фразеосистемах укр. *камінне серце*; рус. *каменное сердце*). К сведению, в польской этнокультуре символика камня очень выразительна: он может приносить или останавливать зло, является олицетворением твердости, безжалостности, бремени (Е. Бартминьский). Лексема *сердце* не может сводиться лишь к соматическому коду, в ней заложен глубокий этнокультурный смысл, например: укр. *Серденько (серце) розбивається (розбилося); Серденько чує; Серце горить; Серце палає; Серце крається (надривається)*. Целесообразно тут вспомнить яркую этноментальную характеристику украинства – украинский кордоцентризм, или «философию сердца», по терминологии отечественного философа П. Юркевича. Подобный антропоцентризм фиксируют и в польской народной культуре. Г. Гачев, раскрывая этноментальные особенности народов мира, утверждает: для польского социума очень значимо сердце как центр шляхтича [Гачев 2003: 237], что детерминирует кардиоцентричность поляков. Для украинцев *сердце* – это «символ Центра, Бога, жизни, ума, ласки, любви, сочувствия», а ещё радости и счастья [Словник символів 2002: 191–193].

Судьба как самая выразительная антропоморфизация, имеющая облик надприродного одушевленного лица, имеет в украинском паремиологическом пространстве многогранное выражение: *Не туди дорога до щастя, куди люди справляють, а туди, куди доленька поведе; Дитинка спить, а доля її росте.* В жизни любого народа, как и отдельной личности, судьба является одним из основных трёх аспектов, вместе со степенью талантливости и трудом, необходимым для реализации собственных возможностей: *Не родись багатий та вродливий, а родись при долі та щасливий; Ти свою долю в неділю проспідала, а в п'ятницю проспівала; У сусіда дочок сім, та й доля всім; у мене одна, та й у тої долі нема.* Долю традиционно украинцы рассматривали как совпадение благоприятных и неблагоприятных обстоятельств, которое облегчает или усложняет самореализацию. Каждый является творцом собственной судьбы, которая его постигла; он в ответе за неё, и вместе с тем за волю всего этноса: *Здобули волю – відшукали долю; Де немає волі, там не буває долі; Не шукай долі, а шукай волі.* Поэтому как отдельного человека, так и нацию в целом оценивают не по потенциальным возможностям (чего бы они могли достигнуть, но не сумели), а исходят из реальных достижений.

Как видим, украинская паремиология в контексте славянской является современной лингвистической составляющей с четко обозначенными объектом, предметом и заданиями, «направленными прежде всего на исследование структурно-грамматических, семантических, стилистических, прагматических и этнокультурных, ментальных особенностей паремий, которые образуют паремийный корпус, или паремийное пространство, украинского языка» [Колоїз 2012: 271], и шире – любого идиоэтнического языка, семиотика которого представлена паремиями как морально-этическими и эстетическими знаками ситуаций, событий, явлений.

Таким образом, паремиология как феномен духовной культуры раскрывает общечеловеческие каноны и систему этностереотипов мышления, общественного и личного поведения, выступают репрезентантами концептосферы языка, то есть этнокультурную сущность языков и особенности

национального сознания, указывая тем самым на особенности вербального выражения национального менталитета. В единицах паремиологии представлена корреляция лингвальных и психокогнитивных феноменов, связанных с этнической языковой картиной мира, ориентованных на специфический способ мировидения, которые определяют национально-культурное языковое пространство.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барли, Н. Структурный подход к пословице и максиме / Н.Барли // Паремиологические исследования : сб. статей; под ред. Г.Л.Пермякова. – М. : Гл. ред. восточной л-ры, 1984. – С. 126–148.
2. Бондаренко, В. Т. Устойчивые фразы в русской речи : [монография] / В. Т. Бондаренко. – Тула : Изд-во Тульского гос. пед. ун-та им. Л. Н. Толстого, 2011. – 153 с.
3. Верещагин, Е. М. Национально-культурная семантика русских фразеологизмов / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров // Словари и лингвострановедение / Под ред. Е. М. Верещагина. – М., 1982.
4. Гачев, Г. Ментальность народов мира / Г. Гачев. – М. : Эксмо, 2003. – 544 с.
5. Жайворонок, В. В. Символіка народного та авторського (крилатого) слова й виразу / В. В. Жайворонок // Мовознавство. – 2005. – № 3–4. – С. 138–147.
6. Колоїз, Ж. В. Українська пареміологія : [навч. посібник для студ. філологічних спеціальностей вищих навч. закл.] / Ж. В. Колоїз, Н. М. Малюга, Н. М. Шарманова; за ред. Ж. В. Колоїз. – Кривий Ріг: ТО «ЦЕНТР-ПРИНТ», 2012. – 349 с.
7. Пермяков, Г. Л. К вопросу о структуре паремиологического фонда / Г. Л. Пермяков // Типологические исследования по фольклору; сост. Е. М. Мелетинский, С. Ю. Неклюдов. – М. : Наука, 1975. – С. 247–274.
8. Савенкова, Л. Б. Русская паремиология : семантический и лингвокультурологический аспекты / Людмила Борисовна Савенкова. – Ростов н/ Дону : Изд-во Рост. ун-та, 2002. – 240 с.
9. Семененко, Н. Н. Русские паремии : функции, семантика, прагматика : [монография] / Наталия Николаевна Семененко. – Старый Оскол : Изд-во РОСА, 2011. – 355 с.
10. Словник символів культури України / За ред. В. Коцура та ін. – К., 2002. – 260 с.
11. Телия, В. Н. Культурно-языковая компетенция : ее высокая вероятность и глубокая сокровенность в единицах фразеологического состава языка / В. Н. Телия // Культурные слои во фразеологизмах и в дискурсивных практиках / Отв. ред. В. Н. Телия. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – С. 19–30.

12. Українська мова : Енциклопедія / Упорядн. В. М. Русанівський, О. О. Тараненко, М. П. Зяблюк та ін. – К. : Українська енциклопедія, 2000. – 750 с.
13. Черкасский, М. А. Опыт построения функциональной модели одной частной семиотической системы (пословицы и афоризмы) / М. А. Черкасский // Паремнологический сборник : Пословица. Загадка. (Структура, смысл, текст). – М., 1978. – С. 35–52.
14. Шехтман, Н. А. Лингво-культурные аспекты понимания / Н. А. Шехтман // Филологические науки. – 2002. – № 3. – С. 50–59.

Паремнографические источники

1. Вирган І. О. Російсько-український словник сталих виразів / І. О. Вирган, М. М. Пилинська. – Х. : Прапор, 2009. – 864 с.
2. Даль В. И. Пословицы русского народа : Сборник. В 2-х т. Т.1 / В. И. Даль. – М., 1984.
3. Пазяк М. М. Прислів'я та приказки : Природа. Господарська діяльність людини / М. М. Пазяк. – К., 1989. – 480 с.

РУССКО-УКРАИНСКОЕ ЯЗЫКОВОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ОСКОЛЬСКИХ ГОВОРОВ

Шубина Наталья Григорьевна

(Старый Оскол, Россия)

Оскольские говоры, относящиеся к особой межзональной группе [Захарова, Орлова 1970: 139], представляют значительный интерес в том плане, что их лексическая система отражает как процесс становления и развития южнорусского наречия в целом и ее межзональной группы, так и специфику формирования региональной культуры. В то же время языковые факты рассматриваемых говоров помогают проявить специфику исторического взаимодействия двух родственных языков, функционирующих на сопредельных территориях.

Диалектное слово (в его семантике и фонетическом оформлении) интересно и в историко-лингвистическом плане, так как история слова, отражая развитие народных представлений о мире, всё же в первую очередь позволяет представить исторический процесс развития языка. Так, наименования жилых построек и их частей включают в себя лексические элементы, указывающие на разные этапы и процессы, пройденные и протекавшие в рамках всего русского